

УДК 882.-051

В.В. Шумко

Осознание «настоящего-будущего» в творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина и братьев Стругацких

В нашей статье рассматриваются сходство и различия в осознании социального идеала на примере творчества великого сатирика М.Е. Салтыкова-Щедрина и современных писателей-фантастов братьев Стругацких, на основании исследования концепции «настоящего-будущего» в творчестве указанных авторов. Теоретические (философские и эстетические) выводы делались на основании трех «сопряжений»: в идейном, образном и художественно-стилистическом планах. Образцы рассуждений в пределах каждого будут приведены ниже. Тема данной работы кажется нам интересной, учитывая ее неразработанность.

Что же привлекло наше внимание к данным авторам? Начнем с того, что они создавали свои произведения как блестящие образцы сатиры на общество. Причем, острота и особая горечь смеха объясняются тем, что анализируется время, к которому принадлежат сами писатели. Разносторонняя обрисовка социально-психологических типов в свете социального идеала, сходство и идейная перекличка отдельных произведений Салтыкова-Щедрина и бр. Стругацких, правда, еще не доказывает факта генетической зависимости. Всякого рода текстуальные аналогии, психологические созвучия, образные подобию в литературном произведении – субъективное дело и в научном отношении не совсем надежное. Еще А.С. Бушмин указывал, что к подобному сходству может привести общность предмета изображения или идейно-творческих задач, а некоторая повторяемость может быть отражением повторяемости явлений самой жизни [1]. Вследствие этого речь пойдет о близости творческих задач, когда в качестве вдохновляющего начала используется чужой опыт, что находится в рамках историко-типологического сравнения.

Отметим ряд оригинальных, отличительных от Салтыкова-Щедрина черт творчества бр. Стругацких, дающих нам право анализировать произведения фантастов как «отдельную творческую единицу» в большой литературе. Вот некоторые из них:

1. Фантастика занимает у Салтыкова-Щедрина лишь некоторую часть текстов, а бр. Стругацкие пишут исключительно в этом роде.
2. Салтыков-Щедрин оставил, в большинстве своем, сатирическое наследие, а фантасты написали лишь небольшое количество произведений этого рода литературы.
3. Можно отметить некоторый изначальный пессимизм Салтыкова-Щедрина во взгляде на действенность социального идеала «с редкими про-

светами надежды на лучшее», в то время как бр. Стругацкие прошли долгий путь от радужных надежд к полному отчаянию.

В ходе анализа произведений бр. Стругацких возник вопрос о корректности их сравнения с наследием Салтыкова-Щедрина. Полагаем, на него можно ответить следующим образом.

Во-первых, Салтыков-Щедрин дал нам такой образец авторской позиции в художественно-литературном произведении, когда абсолютно отрицается настоящее в надежде на лучшее будущее. Это было использовано им как необходимая отправная точка и образец литературной эволюции социального идеала.

Во-вторых, «светлое будущее», как известно, не наступило. А если говорить о настоящем, то неприятие бр. Стругацкими своего «настоящего» весьма схоже с неприятием Салтыковым-Щедринным своего. Немаловажно и то, что фантасты напрямую называли Салтыкова-Щедрина своим учителем [2]. Открывающаяся здесь параллель «прошлого-настоящего-будущего» в историческом плане нам кажется весьма интересной.

Изучение произведений разных эпох подразумевает затруднительность использования методологии анализа идейно-художественного единства. Именно поэтому мы остановились на изучении трех основных «сопряжений» эстетики Салтыкова-Щедрина и бр. Стругацких.

Нами рассматривались преимущественно сходные жизненные ситуации в произведениях Салтыкова-Щедрина и фантастов, учитывая, что различия проявлялись в типологически близких моментах, ситуациях и были мотивированы большей частью различием в содержании эпох. Поясним данное положение.

Сопряжение первое.

Салтыков-Щедрин сделал акцент в своей сатире на идее сословной обусловленности поступков человека (звериный атавизм дворянства в «Диком помещике», повадки хищников у буржуа в «Помпадурках и помпадуршах»). Сатира бр. Стругацких умалчивает об этом, так как в их эпоху уже просто не существовало таких реалий. Но в то время появляется каста, воплощающая в себе все разрозненные худшие черты, которые имелись, по мнению Салтыкова-Щедрина, в среде классовых негодяев. Подобно этому мы и искали не прямые соответствия, а общую закономерность, с которой происходили метаморфозы в зависимости от среды окружения.

Сопряжение второе.

В образной системе Салтыкова-Щедрина немалое место отводится взяточникам («подъячий» Прокофий Николаевич, отставной подпоручик Живновский, чиновник Пересечкин из «Губернских очерков»). А в XX в. подобное явление модифицировалось в систему обязательного содержания государством своих чиновников на сравнительно высоком уровне, когда взятки как бы включаются в зарплату. Поэтому отсутствие щедринского типа взяточника здесь представляется нам естественным и не служит признаком весомого различия в манере писателей. Отсюда нашей целью было раскрытие мотивировки действий чиновников: если у Салтыкова-Щедрина ими двигала выгода и нужда, то у Стругацких – страх и раболепие.

Сопряжение третье.

Говоря об отдельных художественно-стилистических средствах Салтыкова-Щедрина и бр. Стругацких, затронем жанр пародии. Бр. Стругацкие, в отличие от Салтыкова-Щедрина, не используют сочетания отглагольных существительных и предлога ПО («по совершении»), лексику двора («понеже», «та-

кожде», «зело», «токмо»), юридический язык времен Петра I и т.п. Но зато фантасты используют канцелярский язык 30-х гг. XX в., газетные штампы, избитые лозунги на той же основе: показать неразумность внутреннего смысла и содержания документа или речи («есть предложение просить», «приступить к отдыху», «пришельцы уходят, а народ остается»).

Как ясно из всего вышесказанного, явления сходные анализировались без оговорок, а в различных явлениях находилась общая база, которая в конечном счете и порождала это явление (и в XIX, и в XX веках). Материал, в котором подведение подобной основы было невозможно, мы оставили за рамками нашей статьи.

В ходе исследования анализировались следующие произведения фантастов: «Трудно быть богом», «Понедельник начинается в субботу», «Хищные вещи века», «Сказка о Тройке», «Улитка на склоне», «Хромая судьба». По отношению к Салтыкову-Щедрину был использован сквозной анализ его творчества, в ходе которого делался акцент на «Губернских очерках», «Признаках времени», «Истории одного города» и «Сказках».

С точки зрения художественного выражения социального идеала мы вышли на проблему осознания его эволюции. Так как творчество Салтыкова-Щедрина использовалось нами в качестве отправной точки исследования, выскажем несколько соображений относительно указанной эволюции в его творчестве, а подробно будет рассматриваться параллель «настоящего-будущего» у бр. Стругацких.

Безусловно, стройной и разработанной концепции социального идеала, как например, у социалистов-утопистов, у Чернышевского, Салтыков-Щедрин не создал [3]. Исследователи делают вывод о Салтыкове-Щедрине – социалисте на основании фактов биографии и творчества, т.е. опосредованно. В период четырехлетней службы в Петербурге (1844-1848) Салтыков участвует в кружке молодежи, руководимом М.В. Петрашевским. Члены кружка увлекались идеями утопического социализма Фурье, Сен-Симона, ограничиваясь лишь шумными беседами по политическим и нравственным вопросам. «От этих бесед новая жизнь пронеслась над душою, новые чувства охватывали сердце, новая кровь сладко закипала в жилах» [4, 5]. Далее сатирик применяет в литературной практике один из постулатов социалистов: борьбу с социальным неравенством и защиту униженных и оскорбленных – пишет повести «Противоречия» и «Запутанное дело». Известна и реакция властей на появление нового социалиста – Салтыкова высылают в Вятку. Возвращение в Петербург отразилось в дальнейшей общественно-литературной деятельности социалистического толка: сотрудник, а затем и редактор (1863-1864) журнала «Современник» [6].

Анализ творчества Салтыкова-Щедрина позволяет сделать вывод об отрицании писателем общества, основанного на принципах какого-либо неравенства (условно назовем его «настоящим») и утверждении идеала «социальной гармонии» (в названных повестях). Пути достижения идеала (условно назовем его «будущим») писателем не были определены, да и сам идеал остался в области предположений. Тем не менее, сатирик воспринимал «настоящее» как реликт эпохи, умирающее хищное животное (галерея образов «ветхих людей» из «Книги об умирающих»). Но, как известно, гибель «ветхих людей» стала иллюзией, и «настоящее» Салтыкова-Щедрина прочно утвердилось в своих правах. Писатель приходит к выводу о необходимости полного уничтожения основ существующей жизни, а вопрос о будущем отодвигается на второй план. Конечный идеал теперь неопределенно называется Салтыковым-

Щедриным «полной свободой», а в «Письмах о провинции» выдвигается понятие о «среднем идеале», выражающем «неполную свободу» и доступном массам.

Таким образом, речь идет о приближении «будущего» путем снижения «планки», сращения его с отдельными формами «настоящего», когда речь уже не идет об идеале, а если и идет, то «применительно к чему-нибудь...». Салтыков-Щедрин чувствовал шаткость такой позиции для избранного им пути революционного демократа и потому далее удовлетворяется социальной программой в форме самых общих представлений об идеале социальной справедливости, считая, что время для ее конкретной позитивной разработки (а это было бы уже утопией) еще не пришло.

Бр. Стругацкие, так же, как и Салтыков-Щедрин, не создали четкой концепции социального идеала; более того, с середины 1960-х годов они склонны отождествлять его с Системой. На первый взгляд, фантасты становятся даже в оппозицию по отношению к Салтыкову-Щедрину [7]. Разумно будет поэтому дать комплексный анализ произведений бр. Стругацких в свете осознания ими категории «настоящего-будущего».

Бр. Стругацкие пришли в литературу в конце 50-х гг. XX века, в то время, когда везде провозглашалось близкое наступление «идеала будущего» – «полного и окончательного коммунизма». Общее настроение ожидания такого после «хрущевской оттепели» сменилось у думающих людей прозрением: «ветхий мир» не уходил. Насаждение идей не сделало чуда, и «будущее» не наступило. В начале 60-х в фантастической литературе только бр. Стругацкие решились так полно заявить о крахе «светлого пути в будущее» и подвести читателя к итогу: произошло путешествие по кругу в прошлое. Априори действий их сатирических произведений разворачивается в будущем, когда нет необходимости оценивать качество пути к нему. Это «будущее» либо напрямую объявляется реализацией идеала («Хищные вещи века»), либо такая мысль содержится в подтексте («Сказка о Тройке», «Улитка на склоне»). Бр. Стругацкие дают читателю понять, что перед ними – блеф, тем более алогичный, что все в него верят. Внимательный анализ текста подтверждает предположение о том, что «будущее» бр. Стругацких (а значит, и социальный идеал) – это «настоящее» Салтыкова-Щедрина. Путем поиска прямых и не-прямых (когда при разных вариантах у явления одна основа) сопряжений доказываются одни и те же корни всех бед общества: тоталитаризм, гнет идей над человеком, понимание последнего как винтика Системы, нивелирование духовных ценностей, постановка выгоды во главу всей жизни.

Сатирический эффект достигается бр. Стругацкими следующим образом: читатель попадает в общество, официально достигшее благополучия. Но фантасты дают картину основ такого общества, воздавая должное «идеальному» устройству. Выдаваемые за достигнутые, принципы «социальной справедливости» оборачиваются все тем же мертвящим порядком вещей эпохи Салтыкова-Щедрина. Но если он видел «будущее» неопределенно, но все же оптимистично, то бр. Стругацкие, замыкая временную петлю, отказывают существующему «настоящему» в развитии, в возможности достижения «будущего», а значит, и социального идеала.

Подтвердим это примерами. Социальный идеал ранних произведений фантастов оптимистично близок всеобщему счастью, идиллии которого нарушают лишь случайности, пока неподвластные управлению. Вторым этапом является отдаление социального идеала на значительное временное расстояние с сохранением доли оптимизма. Главной задачей бр. Стругацких

становится задача Салтыкова-Щедрина: не приближать «будущее», а заниматься «благоустройством настоящего», то есть критикой недостатков общества. *Третий этап* знаменует предчувствие фантастами скорого Апокалипсиса человечества, ведомого к этой цели Системой. Понятие «социальный идеал» исчезает, уступая место духовному тупику поколения. *Четвертым этапом* становится перенос центра внимания из социальной сферы в психологическую и, соответственно, утверждение цикличности существования мира во главе с Системой – движение по кругу, когда будущее становится недостижимым хотя бы потому, что туда никто не идет. Социальный идеал заменяется психологическим, победой объявляется уход от общества, так как любой поступок в его интересах будет уже преступлением. Человек общественный сменяется индивидуалистом.

Первый этап ничего нового в литературе того времени не представлял. Общее настроение «непробываемого» никакими трудностями оптимизма было характерно для многих произведений этого этапа (И. Ефремов, А. Беляев). Те же, немного схематичные, образы, когда различия между поведением людей минимальны, когда слияние индивидуальностей в единое целое объявляется идеалом общежития, несут только намеки на будущую «ершистость» фантастов. Если счастье так близко, то почему общество приносит беды людям? Единственно правильно было обвинить в этом внешние силы (бури в «Далёкой радуге», метеориты и отбросы общества в «Стажерах»), чтобы не разрушить этой иллюзии благополучия. Следует заметить, что хотя в этом гимне наступающему «будущему» герои прекрасны, все они нелепо гибнут. Не чувствуют ли бр. Стругацкие искусственность создаваемой картины мира и не хотят ли внести черты из действительности для правдоподобия?

На втором этапе социальный идеал временно отодвигается на второй план, и рождается обличительный смех над недостатками «настоящего», уже не обусловленными искусственным внешним воздействием, а носящими закономерный, системный характер. Но здесь у них возникает другое противоречие: отрицательному в социальном идеале («в будущем») не место – еще нет сомнений в достижении такового имеющимися средствами, – но оно наличествует в нынешнем времени как необходимая и неоднородная единица. Где же тот «средний идеал» «применительно к...», что был достигнут в правительственных газетах? В поисках ответа на этот вопрос бр. Стругацкие идут на создание двух параллельно развивающихся миров, когда появление «плохого настоящего» может быть мотивировано изначальной отрицательностью второго мира («Сказка о Тройке») и когда зло объясняется влиянием прошлого, теми же «ветхими людьми» Салтыкова-Щедрина («Хищные вещи века»). В первом случае отрицательный дубликат набирает силу и затемняет положительный, выявляя его нежизнеспособность, а во втором фантасты выходят на историческую параллель, когда осознается факт, что отрицательное никуда не исчезало, а мирно жило в «положительном» мире. Стоило перестать опекать этот «средний» идеал, как он погибает, а те, для кого он был создан, строят свой идеал, мало отличающийся от «настоящего» у Салтыкова-Щедрина. Так фантасты приходят к третьему этапу в своем «движении во времени», знаменующему отсутствие всякого движения вообще. Отсюда понятие социального идеала становится скорее символом несбывшихся надежд.

В связи с этим определимся с возможным соотношением двух понятий: «идеал» и «утопия». Как нам кажется, на первой стадии творения идеала мы не вправе говорить об утопии. Лишь с началом реализации идеала выявляется качество, позволяющее считать его несбыточным, т.е. утопией. Именно на третьем этапе своей временной эволюции бр. Стругацкие столкнулись с таким

выводом. Но, находясь в условиях тоталитарных установок, они не решились назвать движение после 1917 г. утопией, а лишь ушли от проблемы. Фантасты предпочитают говорить о том, что движения вперед не было, а присутствовала временная петля: «настоящее» Салтыкова-Щедрина осталось таковым и в XX в. Но истинных писателей и отличает то, что даже если они сознательно затемняют результат, в своих творениях авторы откровенны и честны. «Настоящее» второго этапа на диво жизнеспособно. Третий же этап представляет нам картину агонизирующего мира. Так что же умирает? Не «средний» ли идеал? Тогда придется вести разговор все-таки о реализации мечты, и, как следствие, – о неудачной реализации такой попытки. А ведь это уже утопия! «Улитка на склоне» потому является отражением борьбы между явным и желаемым у писателей. Мир, оставшийся после крушения мечты, умирающий, внезапно воскресает с появлением «богов из машины». Положение спасает новое поколение, дети природы, – оно просто занимает место Системы и так же безжалостно правит миром.

Почувствовав опасную бездну в подобном направлении работы, бр. Стругацкие приходят к четвертому этапу – психологическому, который не включается в рамки нашей статьи. Оговорим лишь некоторые детали.

Отчаявшись двигаться вперед в общественной сфере, Стругацкие обращаются к внутренней жизни человека. «Хромая судьба» – попытка увидеть идеал «хоть какой-нибудь» в самом себе, в отрыве от окружающей среды. В этом смысле таковой и можно назвать психологическим. Душа становится тем последним прибежищем, где беглец из урбанистического «настоящего» ищет спасения. Но невозможность существовать даже и на этом последнем рубеже приводит к уничтожению такого идеала. Начиная с 60-х гг. бр. Стругацкие пишут только публицистику.

Исследованная в статье эволюция (писатель и его творения – применительно к социальному идеалу Салтыкова-Щедрина и бр. Стругацких) оставляет немало интересных моментов не оговоренными для путешествия по неизведанной земле «Братья Стругацкие».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бушмин А.С.* Преемственность в развитии литературы. Л., 1978. С. 224.
2. *Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н.* Куда ж нам плыть?: Сб. публицистики. Волгоград, 1991. С. 62.
3. *Манешин В.С.* Общественно-политические взгляды М.Е. Салтыкова-Щедрина. Харьков, 1960. – 230 с.
4. *Кирпотин В.Я.* Философские и эстетические взгляды Салтыкова-Щедрина. М., 1957. – 592 с.
5. *Мысляков В.А.* Салтыков-Щедрин: и народническая демократия. Л., 1984. – 262 с.
6. *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собрание соч. в 20-ти т., т. 17. М., 1975. С. 130–131.
7. *Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н.* Стругацкие о себе, литературе и мире /1976-1981/. Омск, 1993. С. 81.

S U M M A R Y

The article is devoted to the evolution of the social ideal. It is based on the work of Saltykov-Schedrin and up-to-date writers treating the fantastic-Strugatski brothers.

In the first part the works are analyzed according to the three criteria (ideological, figurative and artistically-stylistic), while the temporary evolution of «Present-Future» is a central part of the article.

Поступила в редакцию 3.03.2001